

Литературно-критические и публицистические
выступления Д.С. Мережковского 1880–1890-х годов
за пределами «Вечных спутников»:
к вопросу об авторской саморепрезентации

Алексей А. Холиков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; aakholikov@gmail.com*

Аннотация. Автор статьи исследует обстоятельства (биографические, мировоззренческие, историко-литературные, текстологические), по которым Д.С. Мережковский, неоднократно менявший состав книги «Вечные спутники» (в ее основе, как известно, ранние публикации писателя), часть своих литературно-критических и публицистических работ 1880–1890-х гг. (за исключением брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы») «забраковал» и никогда не включал в свои прижизненные сборники и собрания сочинений. Впервые, с опорой на многочисленные эгодокументы («Автобиографическую заметку» писателя, его эпистолярное наследие, в том числе архивное, и воспоминания современников), с привлечением откликов рецензентов ранних статей Мережковского, разбросанных по периодике и по большей части никогда не переиздававшихся, предлагается взглянуть на тексты, оказавшиеся в конечном счете на обочине авторского внимания, не имманентно и не в рамках его обширного литературно-критического наследия, которое содержательно уже неоднократно обсуждалось учеными, а в связи с вопросом о *саморепрезентации* писателя. В результате обосновывается вывод о том, что эти «забытые» выступления Мережковского, с одной стороны, дают богатый материал для их сопоставления с тем «парадным» автопортретом, который писатель создавал в прижизненных изданиях, а с другой – выводят на новый уровень разговор о «тотальном единстве художественного мира» Мережковского и справедливости данного тезиса вне контекста авторских сверхциклических образований.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, литературная критика, публицистика, саморепрезентация в тексте

Для цитирования: Холиков А.А. Литературно-критические и публицистические выступления Д.С. Мережковского 1880–1890-х годов за пределами «Вечных спутников»: к вопросу об авторской саморепрезентации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 68–83.

Literary-critical and journalistic texts
of D.S. Merezhkovsky, written in the 1880–1890s
and not included in the «Eternal Companions».
Towards the question of author's self-representation

Alexey A. Kholikov

*Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia; aakholikov@gmail.com*

Abstract. The author of the article investigates the circumstances (biographical, ideological, historical, literary, textual), according to which D.S. Merezhkovsky, who repeatedly changed the composition of the book «Eternal Companions» (based, as it is known, on the writer's early publications), discarded and never included any part of his literary-critical and journalistic works of the 1880s-1890s (with the exception of the brochure «On the causes of decline and on new trends of modern Russian literature») in his lifetime books and collected works. For the first time, based on numerous ego documents («Autobiographical note» of the writer, his epistolary, including the archival, legacy and the memoirs of contemporaries), with the involvement of responses from reviewers of Merezhkovsky's early articles scattered around periodicals and for the most part never republished, it is proposed to look at the texts that turned out to be ultimately on the sidelines of the author's attention, not immanently and not within the framework of his extensive literary-critical heritage, which was repeatedly discussed by scholars, but in connection with the self-representation of the writer. As a result, the conclusion is substantiated that those «forgotten» speeches of Merezhkovsky, on the one hand, provide rich material for comparing them with the «ceremonial» self-portrait that the writer created in his lifetime publications, and on the other hand, bring to a new level the conversation about the correctness of the thesis on the “total unity of the artistic world” of Merezhkovsky beyond the context of the author's supercyclical formations.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, literary criticism, journalism, self-representation in the text

For citation: Kholikov AA. Literary-critical and journalistic texts of D.S. Merezhkovsky, written in the 1880–1890s and not included in the «Eternal Companions»: to the question of author's self-representation. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 2019;2: 68-83.

Введение

Давать целостный обзор литературно-критических и публицистических выступлений Д.С. Мережковского 1880–1890-х гг. в отрыве от сборника «Вечные спутники» – задача насколько трудновыполнимая, настолько и бессмысленная. По точному утверждению Е.А. Андрущенко, подготовившей этот сборник для нового «Собрания сочинений» писателя [1], «именно в “Вечных спутниках” отразилось то, что определило облик Мережковского» [1 с. 432]. От себя добавим – Мережковского-критика. По крайней мере коллеги по цеху, прежде относившиеся к этой грани его творческого дарования пренебрежительно, вынуждены были с ней примириться, продолжая в большинстве своем ругать автора («...это была одна из традиций – бранить Мережковского» [2 с. 87]). О востребованности книги среди непрофессиональных читателей свидетельствуют ее многочисленные прижизненные переиздания тиражом от трех до десяти тысяч экземпляров. З.Н. Гиппиус вспоминала, что «в последние годы перед войной 14 года эта книга была особенно популярна и даже выдавалась, как награда, кончающим средне-учебные заведения» [2 с. 87]. И хотя Мережковский неоднократно менял состав «Вечных спутников» (последнее прижизненное издание появилось во втором «Полном собрании сочинений» [1914]), основой для книги послужили ранние статьи писателя, часть которых он специально для нее переработал, а другую – забраковал. Зная об этом и учитывая, что в предисловии к сборнику была выражена авторская надежда на то, что за соединением «столь различных, по-видимому, чуждых друг другу, имен в одну семью, в одну галерею портретов» читателю откроется «не внешняя, а субъективная связь в самом я, мирозерцании критика» [3 с. 6], целесообразно взглянуть на «отбракованный» Мережковским материал не имманентно и не в рамках его литературно-критического наследия, которое содержательно уже неоднократно обсуждалось исследователями [4], а в связи с вопросом о *саморепрезентации* писателя.

Вопросы авторской самопрезентации

Важно разобраться, почему часть ранних литературно-критических и публицистических работ (за исключением текста «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», о котором – особый разговор) оказались в конечном счете на обочине авторского внимания. И здесь в первую очередь необходимо напомнить, что до середины 1890-х гг. Мережковский своим

главным призванием видел не критику, а поэзию. Когда П.П. Перцов уговаривал его написать статью об А.С. Пушкине для сборника «Философские течения русской поэзии» (1896), Мережковский «отнекивался: этот чудак считал себя тогда прежде всего поэтом – чуть ли в самом деле не преемником Надсона, а на критическое свое амплуа смотрел, как на случайное и вполне второстепенное» [5 с. 157]. Однако выпустив три авторских сборника, а также два «Собрания стихов», он перестал осознавать себя в качестве поэта. «Вы знаете, я до чего дошел, – в 1900 г. признавался Мережковский. – Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пищу для души подавай, а стихи что́, детское» [6 с. 116]¹. Стоит ли после этого удивляться, что писатель не отнесся к своей поэзии с академическим вниманием?! И уровень подготовки стихотворных книг для второго прижизненного «Полного собрания сочинений», и отношение их к трем последним томам этого издания, т. е. на периферию собственного творчества², как нельзя лучше отражают позднее отношение Мережковского к своему поэтическому амплуа. Не менее репрезентативен применительно к разговору о писательской самоидентичности тот факт, что в «Автобиографической заметке» (1913) Мережковский представляет читателю истоки личной творческой биографии и как поэта, и как критика в их нерасторжимом единстве: «Лет 13-ти начал писать стихи. <...> Тогда же (курсив наш. – А. Х.) написал первую критическую статью, классное сочинение на “Слово о полку Игореве”, за которое учитель русского языка Мохначев поставил мне пятерку. Я чувствовал такую авторскую гордость, которой потом уже никогда не испытывал» [9 с. 109–110].

В отличие от школьного учителя рецензенты ранних статей Мережковского были куда как строже к начинающему литератору и далеко не сразу признали в нем талант критика. Они пишут о

¹ Несмотря на явный отход от поэзии, Мережковский продолжал рифмовать. «В последние годы своей жизни, – пишет мемуарист, – он, лежа по вечерам у себя на кушетке, исправляет свои старые стихи – переставляет запятые, меняет слова, что-то вычеркивает, что-то прибавляет, потом отдает их в переплет» [7 с. 337].

² Ср. с высказыванием А.С. Долинина в связи с первым собранием сочинений писателя: «По-видимому, Мережковский сам знает слабые стороны своей поэзии и относится к ней довольно пренебрежительно. В полном собрании сочинений он счел нужным поместить такие мелочи, как “Предисловие к одной книге” или “Открытое письмо Бердяеву”, а поэзию свою почти всю исключил, отверг: из всей массы стихов едва выбрал несколько десятков стихотворений, которым еще можно придавать значение, и то, кажется, не с художественной стороны» [8 с. 282].

нем как о поэте, который неожиданно для всех решил выступить в новом качестве. «Г<-н> Мережковский, – сказано в «Новом времени», – накопавший целых два тома посредственных и холодных стихов, вздумал обратиться к прозе и накропал посредственную статейку...»³. Рецензент другого периодического издания отмечает, что автор, известный своими стихотворениями, «гонится за двумя зайцами, появляясь еще и в критическом отделе»⁴. На страницах «Русского богатства» читаем: «Д. Мережковский, небезызвестный поэт, кроме двух стихотворений, напечатал в майской книжке “Северного Вестника” критический очерк...» [10 с. 328].

Не будем забывать о том, что в 1880–1890-е годы Мережковский позиционирует себя не только как поэт, но и как переводчик. Прежде всего – греческих трагедий. В письме к знаменитой русской актрисе М.Н. Ермоловой от 24 августа 1892 г. он признается: «Воскресить Греческий Театр (который до сих пор – тайна) – значит воскресить идеализм, чистейший и бессмертный идеализм среди царства В. Крылова и оперетки... Я буду переводить и, если доживу до 30 или 35 лет, – переведу все эти лучшие трагедии греческого театра» [11 с. 96]. К тридцати пяти годам Мережковский перевел трагедии Софокла («Антигона» 1892; «Эдип-царь», 1894; «Эдип в Колоне», 1896), Еврипида («Ипполит», 1893; «Медея», 1895), Эсхила («Скованный Прометей», 1891). К истории театральных постановок одной из них имеет непосредственное отношение открытое письмо Мережковского в редакцию «Нового времени» (1900. № 8571. 7 (19) января). В том же ряду – переводы «Дафниса и Хлои» (1896), «Ворона» (1890) и «Лигейи» (1893) Э. По, «Святого Сатира» (1895) А. Франса, избранных стихотворений Ш. Бодлера и т. д. Не говоря уже о текстах, впоследствии составивших цикл «Итальянские новеллы» (впервые – под названием «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века» [1902])⁵. Для его

³ Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1893. № 6126. 19 (31) марта. С. 2.

⁴ А.П. Литературные заметки // Волжский вестник. 1889. № 136. 6 (18) июня. С. 2–3.3.

⁵ «Цикл “Итальянские новеллы”, – утверждает в предисловии к недавнему переизданию, – включает прежде всего переводы пяти изящных новелл XV в., в том числе шедевра новеллистики Возрождения – анонимной “Новеллы о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву” (под названием “Превращение”). Затем следует написанная самим Мережковским по итальянским источникам эпохи Возрождения повесть “Микель-Анжело”. Завершает цикл, как бы замыкая тему “золотого века” истории человечества, первый по времени перевод на русский язык новеллы Анатоля Франса “Святой Сатир”» [12 с. 5–6]; об источниках переложений см. в примечаниях к этому изданию.

изучения самостоятельной ценностью обладает другое открытое письмо Мережковского (Новости и биржевая газета. 1896. № 342. 11 (23) декабря), отправленное в ответ на обвинения Е.А. Соловьева (псевд. – Скриба) в том, что одна из новелл – «буквальный перевод итальянского текста на русский»⁶ – не сопровождается указанием на источник заимствования. Несмотря на кажущуюся эпизодичность, развернувшаяся полемика важна как иллюстрация отношения Мережковского к чужому тексту, которое побуждает исследователей говорить о том, что писатель «в каком-то смысле предвосхитил некоторые особенности постмодернистской поэтики» [13 с. 243]. По мнению В.В. Бычкова, в обращении с историческим и культурным материалом Мережковский опередил «почти любого “продвинутого” писателя постмодернистской ориентации» [14 с. 137].

Наконец, в начале 1890-х годов Мережковский пробует себя в жанре романа. Гиппиус вспоминала: «...Дм<итрий> С<ергеевич> пришел ко мне и объявил, что наше условие нарушается. Какое? А такое, что я буду писать только прозу, но не стихи. А он – стихи. <...> И вдруг Д<митрий> С<ергеевич> объявляет, что он намерен заняться прозой! Да, он уже начал роман. Какой? Оказывается – исторический, об Юлиане Отступнике» [2 с. 53–54]. Многие из тех, кто критиковал поэзию Мережковского, к его художественной прозе отнеслись более сочувственно. Так, А.Н. Майков, не одобрявший ранние стихотворные опыты писателя и даже посвятивший ему эпиграмму в 1888 г. («В вас есть талант – какой тут спор! / Но, чтобы свет ему увидеть, / Пошли, господь, весь этот вздор, / Что вы писали до сих пор, / Вам поскорей возненавидеть!» [15 с. 353]), одобрительно отзывался о первом романе: «Добросовестное изучение, воображение в пользовании богатым материалом, оригинальные картины. Очень рад, что из него выходит кое-что – нашел свою дорогу. Сбылось то, что я когда-то давно написал про него...» [15 с. 508].

Для работы над второй книгой будущей трилогии «Христос и Антихрист», которая принесет Мережковскому славу родоначальника символистского романа в России, писатель отправился в путешествие «по следам Леонардо да Винчи» вместе с З.Н. Гиппиус и А.Л. Волынским весной 1896 г. В ходе этой поездки был написан очерк «Селение Винчи (Из путевого дневника)» (Cosmopolis. 1897. № 2. С. 94–106). Его значимость определяется несколькими обстоятельствами, прежде всего биографическими. При поддержке Волынского на страницах «Северного вестника» поя-

⁶ Скриба. Что сей сон значит? (Нечто удивительное и нравоучительное) // Новости и биржевая газета. 1896. № 340. С. 2.

вился «Отверженный» («Юлиан Отступник»), и Мережковский рассчитывал опубликовать там же вторую часть трилогии. Однако Волынский сам заинтересовался Леонардо да Винчи и вскоре разместил в журнале собственную серию статей о нем (впоследствии выпустил книгу), а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность» [16 с. 172], – возмущался таким поступком Мережковский, будучи убежден, что Волынский воспользовался его материалами для своего исследования. К слову сказать, в одном из номеров «Нового времени» за 1899 г. В.П. Буренин изложил содержание полученного им анонимного письма за подписью «Доброжелатель г. Мережковского», который указывал, что «почтенный беллетрист задумал и написал свой роман гораздо ранее статей г. Волынского, что он собрал обширные материалы для этого романа, высказывал свои суждения о личности Леонардо да Винчи и читал отрывки из своего романа в разных кружках. Все это – и материалы, и суждения г. Мережковского, и отрывки из романа были будто бы известны г. Волынскому, и он воспользовался всем этим при составлении своих статей»⁷. В итоге первые главы романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» вышли в журнале «Начало» (1899. № 1–4), а полностью произведение увидело свет в «Мире Божьем» за 1900 г. (№ 1–12).

Кроме того, в ходе детального текстологического анализа очерка «Селение Винчи» в полном объеме раскрывается его эстетический потенциал как подготовительной работы для романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)». Доказательством служат выявляемые трансформации текста на пути от эгодокументального жанра к художественной прозе. В то же время довольно большой процент текстуальных совпадений очерка с одиннадцатой книгой романа («Будут крылья»), где подробно воссоздается поездка Леонардо в родное селение Винчи, объясняет, почему автор не включил его в свои прижизненные сборники и собрания сочинений, в отличие от двух других образцов того же жанра: путевые воспоминания «Флоренция и Афины» (Наше время. 1893. № 32. 21 ноября; № 33. 28 ноября; № 34. 5 декабря) с изменениями вошли в «Вечные спутники» под заглавием «Акрополь», а рассказ о поездке в Константинополь, озаглавленный «Св. София» (Русское слово. 1905. № 217. 12 августа), включен в книгу статей «Грядущий Хам» (1906).

Еще одно объяснение пренебрежительного отношения Мережковского к части своих ранних статей – отход от народнических устремлений, под очевидным влиянием которых написаны такие

⁷ Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1899. № 8275. 12 (24) марта. С. 2.

тексты, как «Рассказы Вл. Короленко» (Северный вестник. 1889. № 5. С. 1–29), «Руссо» (Русское богатство. 1889. № 11. С. 63–81), «Крестьянин во французской литературе [Очерки. I. Бальзак. II. Мишле]» (Труд. 1894. № 7. С. 185–202; 1895. № 9. С. 600–613). Последний – по заказу Н.К. Михайловского, который, однако, не принял статью, «потому что она оказалась очень слабою и не в духе журнала» [9 с. 112]. «Я смутно почувствовал, – признается Мережковский, – что позитивное народничество для меня еще не полная истина. Но все-таки намеревался по окончании университета “уйти в народ”, сделаться сельским учителем. Помню, Н.М. Минский смеялся, дразнил меня и держал пари, что этого не будет. Он, конечно, выиграл. В “народничестве” моем много было ребяческого, легкомысленного, но все же искреннего, и я рад, оно было в моей жизни и не прошло для меня бесследно» [9 с. 113]. Несмотря на отход от былых идеалов, Мережковский всегда сочувственно отзывался о народническом движении, а тяга к простым людям (в особенности – раскольникам и сектантам) дала о себе знать (хотя и в другой форме) во время подготовки к написанию последней части трилогии «Христос и Антихрист». О вере в силу религиозного сознания «простых мужиков и баб» говорят слова Мережковского из более поздней статьи «Революция и религия» (1907): «Все, с чем шли мы к ним из глубины всемирной культуры, от Эсхила до Леонардо, от Платона до Ницше, было для них самое нужное не только в идеальном, но и в жизненном смысле, – нужное для первой нужды, для “земли и воли”, ибо “вся воля” над “всею землею” есть для народа “новое небо над новою землею”» [17 с. 89]. Таким образом, эти ранние тексты, не вошедшие в «Вечные спутники», помогают если не объяснить, то проиллюстрировать постепенный и судьбоносный для Мережковского (но революционный – в масштабе всей русской литературы) отход от народничества к исповеданию идей символизма.

К причинам, обусловившим авторское «забвение» ряда публикаций 1880–1890-х гг., следует отнести и чрезмерную реферативность некоторых из них – показатель незрелости и вторичности. В утрированном виде они выражают одну из конституирующих особенностей всего творческого наследия Мережковского – зависимость писателя от чужого слова. Наиболее показательны в этом отношении «Неоромантизм в драме» (Вестник иностранной литературы. 1894. № 11. С. 99–123) и «Новейшая лирика» (Вестник иностранной литературы. 1894. № 12. С. 143–160), где цитаты из критиков (Ф. Брюнетьер, Ж. Леметр), драматургов (М. Бобур, М. Метерлинк, Г. Гауптман) и поэтов (Сюлли Прюдом, П. Верлен, Ж. Ришпен, граф Монтескью) преобладают над оригинальными авторскими рассуждениями. Однако не будем приуменьшать

просветительскую направленность таких текстов: Мережковский знакомил массового читателя в России с новыми зарубежными именами.

Наконец, следует принять во внимание случайный характер некоторых из собранных нами публикаций. «Случайны» они в том смысле, что написаны по случаю. Будь то уход из жизни А.Н. Плещеева («Памяти А.Н. Плещеева» [Театральная газета. 1893. 3 октября. № 14. С. 1–2]), Я.П. Полонского («Я.П. Полонский» [Мир искусства. 1899. № 1–2. С. 2–3]), А.И. Урусова («Памяти А.И. Урусова» [Мир искусства. 1900. № 15–16. С. 36–37]), личными воспоминаниями о которых делится Мережковский, или же десятилетие со дня смерти И.С. Тургенева («Памяти Тургенева» [Театральная газета. 1893. 22 августа. № 8. С. 1]), а также столетие со дня рождения А.С. Пушкина («Праздник Пушкина» [Мир искусства. 1899. № 13–14. С. 11–20]). К последнему очерку примыкает одно из открытых писем в редакцию (Новое время. 1899. № 8347. 25 мая [6 июня]), которое проливает свет на программу Пушкинских торжеств в Святых Горах и отношение к ним Мережковского.

В 1913 г. писатель шутил, что и сам «мог бы справить 25-летний юбилей критических гонений безжалостных» [9 с. 114]. Обращаясь до этого к Н.А. Бердяеву, Мережковский говорил об отношении к себе современников более откровенно: «В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь и там одинаково не понимали *моего*» [18 с. 166–167]. «Непонимание» исходило со всех сторон: и от откровенно враждебного Буренина, и от либеральных народников (Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский), и от наиболее близкого по эстетическим установкам А.Л. Вольнского, который, как и Мережковский, выступал против всякого позитивизма в искусстве. И те и другие обвиняли начинающего критика в бессвязности суждений, неточности и отсутствии сильных аргументов. Даже те, кого Мережковский хвалил, как, например, А.П. Чехова в своей дебютной статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (по оценке самого критика – «едва ли не первая сочувственная статья о Чехове, только что выступившем тогда и почти никем еще не признанном» [9 с. 112]), не принимали его комплиментарности: «Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки – это признак, что он сам не уяснил себе вопроса... Меня величает он поэтом, мои рассказы – новеллами, моих героев – неудачниками, значит, дует в рутину. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-нибудь свое» [19 с. 54].

Итак, ранние литературно-критические и публицистические выступления Мережковского 1880–1890-х гг., оставшиеся за пре-

делами «Вечных спутников», с одной стороны, дают богатый материал для их сопоставления с тем «парадным» автопортретом, который писатель создавал в прижизненных сборниках и собраниях сочинений⁸, а с другой – выводят на новый уровень разговор о «тотальном единстве художественного мира» (выражение Л.А. Колобаевой) Мережковского и справедливости данного тезиса вне контекста авторских сверхциклических образований. Вместе с тем данные тексты – важнейший историко-литературный источник, свидетельство современника о его переходной эпохе. Самый прославленный из них – так называемый манифест русского символизма, мини-трактат «О причинах упадка...». Это единственная из обсуждаемых нами работ, которая была включена автором в оба прижизненных собрания сочинений, и вторая (наряду со статьей о Чехове) из упомянутых в «Автобиографической заметке».

«В первом сборнике критических статей “О причинах упадка и о новых течениях русской литературы”, – утверждает Мережковский, – я пытался объяснить учение символизма не столько со стороны эстетической, сколько религиозной» [9 с. 114]. Однако не стоит абсолютизировать это позднее высказывание писателя, хотя он и понимал литературу как «своего рода церковь» [21 с. 181]. В своих воспоминаниях о муже Гиппиус не случайно делала оговорку: «Д.С. Мережковский – писатель религиозный, как всем известно. Что таким был в течение нескольких последних десятилетий своей жизни – слишком ясно, но был ли он религиозен с юности – это вопрос» [2 с. 40].

На лекциях, легших в основу брошюры, «маленькому, странно-неуклюжему, хотя европейски корректному человечку, вещавшему с кафедры все эти вечно новые истины» [5 с. 88], из глубины аудитории сочувственно внимал П.П. Перцов. Своими впечатлениями от услышанного он поделился в письме Д.П. Шестакову: «Лекции эти не совсем ясны для меня, но все же в них было много дельного, напр[имер] о свободе творчества, о красоте как главном мериле произведений искусства, о близости истинной красоты и истинной свободы и т. п. ...» [5 с. 375]. Иначе говоря, критика Мережковского производила впечатление не столько религиозной, сколько эстетической, причем не только на Перцова, но и на журнально-газетных рецензентов, встретивших эти выступления, а следом и брошюру, враждебно⁹.

Полноценный разговор об этой работе возможен только в контексте появившегося почти одновременно с ней поэтического

⁸ См. об этом: [20 с. 270].

⁹ Отзывы о брошюре Мережковского, а также частные свидетельства о лекциях, легших в ее основу, см.: [22 с. 85,92–93,100–102].

сборника «Символы» (1892). Так теоретические суждения писателя могут быть подкреплены их творческим воплощением. По всей вероятности, именно к этому стремился сам Мережковский. Недаром он говорил: «Критики – всегда враги, поэты – всегда друзья, и стремятся разными путями к одной цели» [23 с. 78]. «Наконец книга вышла... – сообщал автор. – Сегодня в понедельник вдруг – *объявление* на первой странице среди других книг: Д. Мер<еж>ков<ский> – «Символье»(!!!) Что это значит? Я озаглавил книгу “Символы” (Песни и Поэмы). И вместо этого Символье – что-то похожее на *Воронье*»¹⁰. Непривычное название сборника стало созвучным новому художественному направлению в России. Вопросом о том, что такое символ, Мережковский специально задается в работе «О причинах упадка...», но не дает строгого определения. Упреки по его адресу сводились к тому, что писатель не разграничивает понятия «символ», «аллегория», «тип». Следуя за мыслью автора, мы можем определить семантический ореол этого понятия, попытаться воссоздать тот набор смыслов, которые он имел в виду: символы «должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности» [21 с. 216], выражать «безграничную сторону мысли» [21 с. 217]; содержание символов в основе своей религиозно, при этом ими могут быть характеры (Санчо Панса и Фауст, Дон Кихот и Гамлет, Дон Жуан и Фальстаф). Некоторые из этих значений были указаны Мережковским в ранних статьях о Кальдероне и Сервантесе, которые затем вошли в «Вечные спутники»: «Символы – это философский и художественный язык католицизма. Таинства религии открываются верующим в символах. Из них состоит богослужение, они украшают церковь и служат материалом для религиозного искусства» [3 с. 85]; «...все религии, вся поэзия, все искусство народов является только рядом символов» [3 с. 100].

В первой половине 1890-х гг. в сознании писателя причудливо сочетались, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой – еще не укрепившаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве). Для Мережковского существовали три равнозначные величины: культура, культ, религия. Не случайно он долго колебался по поводу названия второго сборника стихотворений. Первоначальный вариант «Неведомому Богу» в декабре 1891 г. был заменен на «Вечные волны». И только в начале 1892 г. появляется окончательный заголовок – «Символы» [24 с. 52–53]. При этом каждый вариант был значим для Мережковского и не потерялся в

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 13 об.

бумагах. Первый встречается в эпитафии к сборнику: «...И став Павел среди Ареопага, сказал: “мужи Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: *Неведомому Богу*. Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам”» [25 с. 4]. Второй, немного изменившись, переходит в название сборника критических статей «Вечные спутники», на страницах которого автор обращается к религиозно-мистической сущности искусства (культуры).

В работе «О причинах упадка...» Мережковский говорит о «мистическом содержании» как одном из трех (наряду с «символами» и «расширением художественной впечатлительности», которое, в свою очередь, служит предвестником ницшеанского периода в творчестве писателя середины 1890-х гг.) главных элементов «нового искусства», призванных преодолеть «упадок» (среди его причин – настроение публики, «падение» языка, «система гонораров» как «орудие, посредством которого публика поработает своих поденщиков, своих писателей» [21 с. 192], мелкая пресса, в которой можно найти «зародыши всех болезней, всех пороков, всех нравственных гниений» [21 с. 195], издатели, редакторы). При этом Мережковский не проводит четкой границы между понятиями «мистический», «идеалистический», «религиозный», «художественный», «божественный». Это звенья одной цепи¹¹. «В сущности, – заявляет писатель, – все поколение конца XIX века носит в душе своей то же возмущение против удушающего мертвого позитивизма, который камнем лежит на нашем сердце» [21 с. 215]. Чуждый научному, нравственному и художественному материализму, Мережковский берется отстаивать позиции нового идеализма в искусстве. В этой связи закономерно упомянуть еще одну его статью, тематически близкую, того же года – «Мистическое движение нашего века» (Труд. 1893. № 4. С. 33–40).

Взгляд Мережковского на современный литературный процесс определяется словами: «Только то поколение, которое научится ценить доброе и прекрасное в своих предшественниках, прощать их недостатки и признавать их силу, имеет право надеяться на будущее. Живое взаимодействие, примирение прошлого и настоящего – вот величайшая основа всякой культуры» [21 с. 246]. Это высказывание определяет идейно-эмоциональный настрой всей брошюры «О причинах упадка...», которая, в отличие от большинства манифестов, лишена не только наступательного характера, но и стремления порвать связи с ближайшей традицией. Писатель ока-

¹¹ Позднее писатель пересмотрит отношение к религии и творчеству, мистицизм уступит место религиозности, см.: [26 с. 169].

зался не готов к реальной роли лидера «нового искусства», но его лекции вкупе с «Символами» и «Юлианом Отступником» оказали сильнейшее влияние на людей, провозгласивших себя «вожаками» русского символизма. Сам он принадлежал к «детям ночи» (еще одно авторское наименование – «слабые и нежные дети вечерних сумерек» [21 с. 230]) – это поколения рубежных эпох, обреченные рождаться и умирать в «смутные, страшные сумерки, когда последний луч зари потух и ни одна звезда еще не зажглась, когда старые боги умерли и новые не родились» [3 с. 242].

Заключение

Постоянно возникающие здесь отсылки к «Вечным спутникам» не кажутся нам случайными. В последнем прижизненном собрании сочинений Мережковский поместил обе работы подряд, нарушив при этом хронологию. Представляется, что данное решение было глубоко продуманным. В очерке «Пушкин», завершающем «Вечные спутники», говорится о «черной осени», «невидимом ущербе» и в финальном предложении – об «убыли пушкинского духа в нашей литературе» [23 с. 171]. Эти слова как нельзя лучше корреспондируют с основным мотивом размещенного дальше «манифеста» «О причинах упадка...». И хотя при подготовке «Вечных спутников» писатель основательно «причесал» свои ранние тексты, внес в них серьезную стилистическую и содержательную правку, с публикациями, оставшимися за пределами сборника, их сближает эстетическая направленность и устойчивый интерес к широкому культурному контексту. Последние, в свою очередь, представляют Мережковского-критика «без глянца». Но в этой неряшливости и разношерстности – их специфическое преимущество и естественное обаяние для историка литературы Серебряного века.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-04-00553 «Подготовка первой части коллективной монографии «Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865 – 1941 гг.)»».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 17-04-00553 “Preparation of the first part of the collective monograph ‘Chronicle of life and work of D.S. Merezhkovsky (1865–1941)’”.

Литература

1. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 8: Вечные спутники / Сост., подгот. текста, примеч., послесл. Е.А. Андрущенко. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 447 с.
2. *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 310 с.
3. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 17. М.: И.Д. Сытин, 1914. 244 с.
4. *Холиков А.А.* Исследования о жизни и творчестве Д.С. Мережковского (избранная библиография) // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сб. статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин: Литфакт, 2018. С. 572–660.
5. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 гг. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 496 с.
6. *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.
7. *Сергеев О.В.* Статья В. Злобина о З.Н. Гиппиус // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 323–343.
8. *Долгинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века: (1890–1910): В 2 кн. / Под ред. С.А. Венгерова. Кн. 1. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. С. 279–332.
9. *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 24. С. 107–116.
10. *Счастнев К.* Журнальное обозрение // Русское богатство. 1889. № 5–6. С. 314–331.
11. «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»: Письма Д.С. Мережковского М.Н. Ермоловой / Публ. и послесл. Р. Островской // Театр. 1993. № 7. С. 95–97.
12. Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер: Избранные стихотворения / Пер. с греч., итал., фр. Д. Мережковского. М.: Ломоносовъ, 2010. 448 с.
13. *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 248 с.
14. *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 784 с.
15. *Майков А.Н.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1984. 576 с.
16. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.
17. *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 13. С. 36–97.
18. *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии: (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 14. С. 166–187.
19. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976. 575 с.
20. *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

21. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 18. С. 173–275.
22. *Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891–октябрь 1917).* Вып. 1: (1891–1900) / Ред.-сост. М.Г. Петрова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 528 с.
23. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 18. С. 3–171.
24. *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 5–114.
25. *Мережковский Д.С.* Символы (Песни и поэмы) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 23. 272 с.
26. «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 135–185.

References

1. Merezhkovskii DS. Collected Works. 20 vols. Vol. 8: Eternal Companions. Moscow: Dmitrii Sechin Publ.; 2017. 447 p. [In Russ.]
2. Gippius-Merezhkovskaya Z. Dmitrii Merezhkovskii. Parizh: YMCA-PRESS Publ.; 1951. 310 p. [In Russ.]
3. Merezhkovskii DS. Eternal satellites. V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 17. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. 244 p. [In Russ.]
4. Kholikov AA. Studies on the life and work of D.S. Merezhkovskii (selected bibliography). V: D.S. Merezhkovskii. A writer – critic – thinker: Collected articles Moscow: Dmitrii Sechin Publ.; Litfakt Publ.; 2018. p. 572-660. [In Russ.]
5. Pertsov PP. Literary memories. 1890-1902. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2002. 496 s. [In Russ.]
6. Bryusov VYa. Diaries. Autobiographical prose. Letters. Moscow: OLMA-PRESS Publ.; 2002. 414 p. [In Russ.]
7. Sergeev OV. Article by V. Zlobin about Z.N. Gippius. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*. 1994;5/6:323-43. [In Russ.]
8. Dolinin A. Dmitrii Merezhkovskii. V: Vengerov SA., ed. *Russian literature of the twentieth century (1890–1910)*. 2 books. Book 1. Moscow: Izdatel'skii dom «21st vek – Soglasie» Publ.; 2000. p. 279-332. [In Russ.]
9. Merezhkovskii DS. Autobiographical note. V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 24. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. p. 107-16. [In Russ.]
10. Schastnev K. Journal Review. *Russkoe bogatstvo*. 1889;5-6:314-31. [In Russ.]
11. Ostrovskaya R., comp. «I wish I could talk a lot with you»: Letters of D.S. Merezhkovskii to M.N. Yermolova. *Teatr*. 1993;7:95-7. [In Russ.]
12. Daphnis and Chloe. Italian novels. Charles Baudelaire. Selected Poems. Moscow: Lomonosov Publ.; 2010. 448 p. [In Russ.]
13. Andrushchenko EA. The Lord of Somebody else's. Textology and the Issues of the Poetics of D.S. Merezhkovskii. Moscow: Vodolei Publ.; 2012. 248 p. [In Russ.]

14. Bychkov VV. Russian theurgic aesthetics. Moscow: Ladomir Publ.; 2007. 784 p. [In Russ.]
15. Maykov AN. Works. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Pravda Publ.; 1984. 576 p. [In Russ.]
16. Koreneva MYu., comp. Letters of D.S. Merezhkovskii to P.P.Pertsov. *Russkaya literatura*. 1991;2:156-81. [In Russ.]
17. Merezhkovskii DS. Revolution and religion. V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 13. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. p. 36-97. [In Russ.]
18. Merezhkovskii DS. About new religious action. (Open letter to N.A. Berdyayev). V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 14. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. p. 166-87. [In Russ.]
19. Chekhov AP. Complete Works and Letters. 30 vols. Letters. 12 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ.; 1976. 575 p. [In Russ.]
20. Kholikov AA. Dmitrii Merezhkovskii's Complete Works Published during His Life: Textual Criticism, Literary History and Poetics. Moscow; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2014. 344 p. [In Russ.]
21. Merezhkovskii D.S. About the causes of decline and about the new currents of modern Russian literature. V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 18. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. p. 173-275. [In Russ.]
22. Petrova MG. Chronicle of literary events in Russia of the late 19th – early 20th centuries (1891 – October 1917). Iss. 1: (1891–1900). Moscow: IMLI RAN Publ.; 2002. 528 p. [In Russ.]
23. Merezhkovskii DS. Eternal satellites. V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 18. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. p. 3–171. [In Russ.]
24. Kumpan KA. D.S. Merezhkovskii – poet (at the origins of the «new religious consciousness»). V: Merezhkovskii DS. *Poems*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt Publ.; 2000. p. 5-114. [In Russ.]
25. Merezhkovskii DS. Symbols (Songs and Poems). V: Merezhkovskii DS. *Complete Works*. 24 vols. Vol. 23. Moscow: I.D. Sytin Publ.; 1914. 272 p. [In Russ.]
26. Kholikov A., comp. «Boria, Boria, my dear boy, the only one...»: Letters of D.S. Merezhkovskii to Andrei Bely. *Voprosy literatury*. 2006;1:135-85. [In Russ.]

Информация об авторе

Алексей А. Холиков, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; aakholikov@gmail.com.

Information about the author

Alexey A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; aakholikov@gmail.com.